

О том, что представляет собой «Планетарная премия», прекрасно знали все, кто следил за ходом Конкурса инновационных технологий и Глобального конкурса технологий.

Глобальный конкурс технологий давно заслужил репутацию «чемпионата мира» в сфере науки и инженерии для молодёжи. Он объединял самые смелые и инновационные идеи подростков со всего света, а спонсорами выступали ведущие IT-гиганты, Нобелевский комитет и Линкольнский планетарный институт.

Юные разработчики, чьи проекты совершали подлинный прорыв, удостоивались не только приглашения на Нобелевскую неделю, но и редкой привилегии — назвать своим именем новооткрытый астероид.

Однако «Планетарная премия» стояла на особом, недостижимом уровне, являясь абсолютным триумфом и высшей наградой конкурса.

Этот приз вручали исключительно за исследования, направленные на продление человеческой жизни или избавление от тяжёлых недугов. Имя лауреата должно было олицетворять нестигаемую волю человечества перед лицом болезней, навеки запечатлённое в глубинах Вселенной.

В кулуарах её уважительно называли «Премией жизни».

Участники из Китая традиционно делали ставку на прикладные инженерные проекты и прагматичные технологии, добиваясь в этой области колоссальных успехов. Однако их разработки практически никогда не соприкасались с высокой философией гуманизма и спасения человеческих жизней.

Именно поэтому заветный кубок из года в год уходил к ребятам из других стран. Для китайских школьников этот рубеж оставался непреодолимым барьером — до сих пор на их счету не было ни единой победы.

Впрочем, в тонкости регламента обыватели особо не вдавались.

Когда социальные сети захлестнула лавина публикаций, где рядом с именем академика Линь Циньчжуна то и дело мелькало имя Шэнь Минчжоу, любители высоких технологий вновь наткнулись на до боли знакомого персонажа.

Шэнь Минчжоу!

Удивлённая публика могла лишь развести руками: юный гений слов на ветер не бросает. Неужели парень всерьёз вознамерился прописаться на главных страницах СМИ, чтобы окончательно закатать в асфальт всех, кто когда-то над ним потешался?

Да почему снова Шэнь Минчжоу?

Почему всегда именно он?

Казалось, триумф со статьёй в журнале ENE и так уже заставил всех разинуть рты от изумления.

Но теперь новостные агрегаторы буквально лопались от свежих кадров: вот Шэнь Минчжоу увлечённо беседует с академиком Линем, вот они обмениваются крепким рукопожатием, а вот позируют плечом к плечу.

Действительный член Китайской академии наук, которого большинство простых людей не увидят и за всю жизнь, не просто удостоил мальчишку личной встречи, но и наделал с ним кучу тёплых снимков. Сверкающий хрустальный кубок в руках подростка так бесстыдно слепил глаза, что у недоброжелателей кровь закипала от зависти.

Старые мемы, высмеивавшие Шэнь Минчжоу за «дешёвый пиар на звании гения», всплыли на поверхность, но их посыл изменился до неузнаваемости.

«Видите этот шэнь_минчжоу.jpg? Быстро пали ниц перед богом учёбы!»

Пользователи Сети развлекались на полную катушку. Даже те, кто был бесконечно далёк от науки, с удовольствием смаковали свежие сплетни, регулярно выдавая восхищённое «ну ни хрена себе!».

Настоящее золото всегда блестит, а выдержанное вино со временем становится лишь благороднее. Лавина официальных пресс-релизов до хруста пропекла даже самых упрямых скептиков.

Как бы завистники ни исходили жёлчью, никто из них больше не решался ядовито припомнить: «Да он по математике всего двадцать семь баллов набрал».

С таким авторитетом, с таким весом, с такой непринуждённостью в общении с академиками...

Да пусть у него по математике будет хоть отрицательный балл! Лучшие вузы страны костями лягут в драке за него, предлагая безлимитные гранты и умоляя просто подать документы на поступление.

В один миг Шэнь Минчжоу взлетел на недостижимую высоту.

Сбылось-таки давнее пророчество жёлтой прессы: «Юный гений, обгоняющий время».

Многие надеялись, что парень воспользуется затишьем перед финальным этапом конкурса и заведёт аккаунт в Вейбо, чтобы приоткрыть завесу своей повседневной жизни.

Но интернет хранил молчание. Шэнь Минчжоу даже не думал монетизировать свою внезапную славу.

Ему было чертовски некогда.

В лаборатории Компании Высоких Технологий допоздна горел свет, терпеливо дожидаясь маленького гения Босса Шао.

Даже признание академика не заставило Шэнь Минчжоу отложить инструменты. Он без конца ковырялся во внутренней архитектуре беспилотника «Стрекоза», пытаясь адаптировать его под самые суровые условия поисково-спасательных миссий.

Что оставалось Шао Ляню?

Ему только и велели сидеть рядом, подкидывать идеи и вместе со своим подопечным доводить до совершенства аппарат, которому вскоре предстояло выйти на международную арену и стереть в порошок конкурентов из Японии, Кореи, Европы и Америки.

Шао Лянь всерьёз подозревал у своего юного друга запущенную форму перфекционизма. Шэнь Минчжоу явно не собирался останавливаться, пока его творение не начнёт лишать людей дара речи с первого взгляда.

Впрочем, сам виновник этих мыслей лишь отмахивался:

— Ты преувеличиваешь. Просто на меня возлагают слишком большие надежды, и я не имею права подвести тех, кто в меня поверил. Я представляю страну. Если сделать спустя рукава, мне будет стыдно перед родиной.

Шао Лянь чувствовал, как грудь распирает от гордости и немного восторга. Горячая кровь бурлила, и, не в силах сдержаться хвастовство, он сфотографировал склонённого над «Стрекозой» парня и выложил снимок в Моменты. Подпись гласила: «Быстро хвалите!»

Даже самые тщеславные родители не хвастались своими детьми столь откровенно.

В списке контактов Шао Ляня числились в основном полуночники. Заметив пост, они мгновенно набежали в комментарии, соревнуясь в ядовитом остроумии:

— Братец Шао, выведи ребёнка в свет, дай хоть одним глазком на гения глянуть, умоляю!

— Если круглые сутки торчать в лаборатории, можно и облысеть. Забирай красавчика, погнали на барбекю.

— Босс, у вас двери открыты? Я уже выезжаю потискать Маленького Минчжоу, жди!

Шао Лянь фыркнул и безжалостно удалил пост.

Эти придурки совсем ослепли от зависти? Их попросили оценить работу, а они ведут себя как банда работоторговцев, мечтая сманить пацана.

Мир вокруг определённо полон опасностей.

Глядя на спину Шэнь Минчжоу, Шао Лянь всерьёз задумался, не вспомнить ли ему старое ремесло и не собрать ли для парня какую-нибудь защитную систему. Хотя бы от назойливых ухажёров.

Не успел он развить эту гениальную мысль, как телефон в кармане неистово завибрировал.

На экране высветилось имя Ван Бэйи. Шао Лянь поморщился, вспомнив, что тот только что призывал его в комментариях «выгулять» Минчжоу.

Раздражение боролось с любопытством. Первую трубку он сбросил, но следом тут же пошёл второй вызов.

Ван Бэйи редко бывал столь настойчив без веской причины. Пришлось ответить.

— Бля, ты опять хотел меня проигнорировать! — раздался в трубке полный вселенской скорби голос Ван Бэйи.

Шао Лянь скользнул взглядом по Шэнь Минчжоу и, проигнорировав чужие страдания, бросил:

— Говори.

Холодно и коротко. Ещё одно лишнее слово — и связь прервётся.

Привыкший к подобному обращению Ван Бэйи лишь шумно вздохнул и перешёл к делу:

— У нас опять проблемы. Наш юный гений — ходячая катастрофа. Самое хреновое, что в этот

раз на нас наехали не проплаченные боты. Враг засел в самом тылу.

— Что ты имеешь в виду?

Шао Лянь поднялся и бесшумно вышел из лаборатории. Его тихие шаги ни на секунду не отвлекли погружённого в расчёты парня.

— Какой-то конченный препод из его школы дал интервью сетевому изданию, — вздохнул Ван Бэйи. — Уж не знаю, по глупости или из чистой гнили. Нет бы приукрасить поведение парня в школе, так этот урод выставил его в максимально паршивом свете. Теперь все сомневаются в его человеческих качествах.

Плохая успеваемость — ерунда, когда твои мозги признаёт академик. Но когда под удар ставят твой характер и моральный облик, общественность быстро меняет милость на гнев.

На волне популярности Шэнь Минчжоу это анонимное «разоблачение» произвело эффект разорвавшейся бомбы. Из статьи выходило, что «бог учёбы» в реальной жизни — невыносимый тип: спит на уроках, игнорирует домашку, сдаёт чистые бланки на экзаменах, дичится одноклассников и ни в грош не ставит учителей.

Анонимный собеседник журналистов вроде бы и восхищался тем, как парень умудряется совмещать такое разгильдяйство с научными прорывами, но акценты расставил однозначно.

Гениальность не оправдывает хамство. Выдающийся ум не означает, что человек умеет уважать старших.

Для обывателей этого хватило, чтобы начать топтать вчерашнего кумира.

— Ну и что, что у него мозги варят? К учёбе и людям скотское отношение. Не собираюсь я восхищаться таким типом, элементарное воспитание должно быть.

— Слава богу, в классе моего сына таких нет. Плевать на школу, прогуливать уроки... Какой это пример для подражания?

— Вот и растите таланты! Без нормального воспитания грош им цена. С таким характером он в обществе быстро зубы обломает!

Общественное мнение раскололось. Многие комментаторы внезапно прониклись жалостью к несчастным педагогам средней школы Чэнмин.

Тяжело ведь воспитывать такого «гения» — капризного, неуправляемого, которого при этом сверху заставляют величать «гордостью школы».

В этот раз скандал разгорелся без всяких ботов. Разгневанные родители, вооружившись лозунгом «мой ребёнок не должен брать пример с этого эгоиста», быстро свели на нет все восторги.

И что самое паршивое — у модераторов не было законных оснований тереть эти комментарии.

В средней школе Чэнмин снова объявили чрезвычайное положение.

Не прошло и полугода, а руководство школы уже второй раз собирало экстренное совещание ранним воскресным утром из-за Шэнь Минчжоу.

Хуже всего было то, что удар нанёс свой же сотрудник. Если городское управление образования решит устроить проверку, школе не поздоровится.

В конференц-зале царило гробовое молчание. Каждый присутствующий втайне мечтал лично придушить этого анонимного правдоруба.

Минчжоу принёс школе славу, его фото с академиком красовалось на первых полосах, руководство уже потирало руки в ожидании премий. И тут — такой ушат грязи.

Заголовки так и пестрели: «Трудный подросток», «Неуправляемый гений», «Бессилие школьной администрации». Статья фактически выставила школу жертвой малолетнего тирана.

Любой дурак понимал: в коллективе зреет глухое недовольство парнем.

Когда школа и ученик оказываются по разные стороны баррикад — пиши пропало.

Директор Ду сидел во главе стола с каменным лицом. Он медленно постукивал пальцами по столешнице. Наконец он поднял глаза на притихших подчинённых:

— Итак, коллеги. Кто дал это интервью?

Обычно мягкий и понимающий руководитель, сейчас директор Ду выглядел пугающе. На его лице проступали гневные пятна, а голос так и дышал холодом.

Это был его личный провал. Он наивно полагал, что вся школа искренне радуется за Минчжоу, гордясь тем, что вырастила такой талант.

А что в итоге?

«С гениями тяжело, мы умываем руки».

Директор Ду, посвятивший тридцать лет преподаванию этики, при виде этих строк готов был лично выругаться матом.

Да кто тебя, чёрт возьми, просил его «воспитывать»?! Ты что, надзиратель в колонии, а парень — твой подопечный?!

Учителя молчали, разглядывая узоры на столе. Никто не хотел попасть под горячую руку.

В последнее время репортёры буквально осаждали школу, пытаясь выудить хоть что-то о Минчжоу.

Но классный руководитель Ли Гофу не проронил ни слова, завуч Чу Лихуэй вежливо слал всех лесом, а куратор Гу Цинлай вообще отключил телефон. Все понимали ответственность и боялись навредить репутации парня.

Конечно, в учительской шептались, что журналисты предлагают за эксклюзив солидные суммы — от пары тысяч до десятка. Но никто не рискнул мараить руки.

Поскольку интервью было анонимным, педагоги с подозрением косились друг на друга, пытаясь угадать паршивую овцу.

Совещание стремительно превращалось в допрос.

Директор Ду шумно выдохнул, стараясь говорить спокойнее:

— Я прекрасно знаю, как вы любите жаловаться на трудных детей. Нынешнее поколение упрямо, родители их балуют, на уроках они не слушают, а применить к ним силу мы не имеем права. При этом с нас требуют показатели, от которых зависят ваши квартальные премии. Разумеется, у вас копятсь обиды. Это жизнь.

— Наша работа — иметь дело с самыми разными характерами. На поведение детей влияет их семья, окружение, гормоны. Видя, как они совершают ошибки, вы пытаетесь подогнать их под свои стандарты правильности.

— Контроль, дисциплина, наставления — всё это часть нашей работы. За это я вас никогда не винил.

— Да, некоторые дети откровенно невыносимы! Они не знают границ и так и норовят сотворить глупость. И их нужно направлять! Даже когда их безумные родители приходят сюда качать права, я всегда защищаю вас, потому что знаю: вы делаете это ради будущего детей!

Голос директора Ду сорвался на крик. Он со всей силы хлопнул ладонью по столу:

— Но то, что произошло сейчас — это не воспитание! Тот, кто слил эту грязь журналистам, сознательно пытался уничтожить будущее Шэнь Минчжоу!

Парня только что признал ведущий академик страны, о нём пишут государственные издания. И в этот момент кто-то из своих бежит сдавать «подноготную» о его характере.

Если бы это сделал сверстник, можно было бы списать на подростковую зависть.

Но это сделал педагог! Человек, чья прямая обязанность — защищать своих учеников.

Шэнь Минчжоу только-только отмылся от прошлых сплетен, перед ним открылись все двери. И получить в этот момент нож в спину от собственного учителя... Директор Ду чувствовал, будто этот нож вонзили лично в него.

— Молчите? — Директор Ду горько усмехнулся. — Что ж, мы всё равно узнаем. Я уже связался с редакцией портала. Школа направила официальный запрос с требованием раскрыть личность источника. Если они откажут, мы обратимся в суд.

Его взгляд стал холодным и отрешённым.

— Я собирался дать этому человеку шанс во всём признаться и уйти по-хорошему. Очевидно, ему это не нужно. Как только у меня будут документы, я передам их в департамент образования. Обещаю: пощады не будет.

Эти слова прозвучали как приговор.

Сидевший в самом последнем ряду Сюй Фан испуганно вжал голову в плечи. Всё его тело была крупная дрожь.

«Они ведь не сдадут своего информатора? Существует же какая-то профессиональная этика... Пожалуйста...»

Атмосфера в зале напоминала трибунал. Пожилые учителя, искренне преданные своему делу, согласно кивали, возмущённые подлостью коллеги.

В этот момент у директора Ду зазвонил телефон.

Сюй Фан замер от ужаса, боясь поймать на себе убийственный взгляд начальника.

Но директор лишь молча выслушал собеседника. Его лицо оставалось спокойным.

Положив трубку, он устало улыбнулся.

Все замерли в ожидании развязки. Но директор Ду, уже зная имя предателя, почему-то не спешил устраивать публичную казнь.

Он медленно обвёл взглядом притихший зал и тихо вздохнул:

— Знаете, коллеги... Есть большая разница между Учителем и просто школьным работником.

— Тот, кто сеет разумное, доброе, вечное и воспитывает собственным примером — это настоящий Учитель.

— Тот же, кто просто торгует уроками ради куска хлеба — обычный ремесленник от образования.

— В нашей сфере всегда сосуществовали оба этих типа. Они делят один кабинет, ведут одни классы, и благодаря этому балансу система ещё работает. Здесь нет плохих или хороших ролей. Мы вместе тратим свои жизни, здоровье и нервы, чтобы выпустить в свет очередное поколение детей. Мы смотрим, как из хрупких саженцев вырастают могучие деревья.

— Сеем на этой работе и ни о чём не жалеем.

Директор Ду говорил тихо, и в его голосе сквозила глубокая, почти физическая боль.

— Дети — не наши враги. Они — наша надежда и будущее этой страны.

Не замолкая ни на секунду, он уставился прямо в угол, где сидел побледневший преподаватель.

Тот сжался в комок, напоминая пойманную крысу.

— Ты взял у журналистов восемь тысяч восемьсот юаней. За эти копейки ты продал мальчишку, которого сам же и учил.

Голос директора Ду дрожал от гнева и глубокого разочарования.

— Сюй Фан, ты совершил подлость. Ты не достоин называться учителем.

<http://bllate.org/book/20089/2002151>